

Мо Фэйбай, ты как здесь оказался?!

Если Янь Юэ еще могла сохранить внешнее спокойствие при виде Мо Фэйбая, то Гао Чэньхуэй даже не пытался скрыть своего шока. Не договорив, он спохватился, что место для подобных разговоров неподходящее. Сделав шаг вперед, он выразительно подмигнул Мо Фэйбаю:

— Можем отойти в сторонку?

Ему не терпелось узнать: удалось ли всё прошлой ночью? Наверняка удалось. Будь иначе, при характере Мо Фэйбая, да еще под воздействием препаратов, тот уже устроил бы скандал или завалил его гневными звонками. А тут — тишина. Значит, он благополучно провел ночь с Цзи Тяньи. Что ж, это даже к лучшему. Преподнеся Цзи Тяньи такой подарок, он косвенно наладит с ним связь. А уж учитывая одержимость Мо Фэйбая, его можно будет использовать в своих целях.

— Нельзя. Мне неудобно.

Раньше, стоило Гао Чэньхуэю позвать его в сторонку, прежний владелец тела тут же с радостью бежал за ним, готовый на всё. Но сейчас Мо Фэйбай холодно смотрел на человека, который пытался использовать его как подстилку для достижения своих целей, и лишь слегка приподнял бровь:

— Разве есть что-то, о чем нельзя сказать здесь?

Гао Чэньхуэй и Янь Юэ в свое время погубили того парня. Если бы на его месте остался прежний владелец, он бы сейчас даже не смог появиться на съемочной площадке: после провальной попытки «залезть в постель» он в тот же вечер попал в тренды с кучей компрометирующих фото. Съёмочная группа тогда поспешно разорвала контракт, потребовала неустойку и заменила актера, пока съемки еще не зашли далеко.

— Ты что сказал?

Гао Чэньхуэй не поверил своим ушам. Мо Фэйбай отказал? Раньше тот при виде него светился от счастья, и если он сам предлагал поговорить наедине, Мо Фэйбай должен был умолять о такой возможности. Сегодня что, солнце встало на западе?

Гао Чэньхуэй сомневался, но ему до смерти хотелось узнать результат:

— Я хотел помочь тебе разобраться сцену, чтобы на съемках всё прошло гладко. Твоя актерская игра... ну, я мог бы помочь тебе поймать нужное настроение.

Мо Фэйбай усмехнулся про себя. Вот он, тот самый подонок, которого прежний владелец любил до безумия, даже когда тот сам подкладывал его в чужую постель ради выгоды. При

всех окружающих Гао Чэньхуэй фактически сказал: «Ты играешь так паршиво, что только я могу тебя вытянуть». К тому же, никакой разбор сцены ему был не нужен — это был лишь предлог для приватного разговора.

— Не стоит.

Мо Фэйбай с фальшивой улыбкой осадил Гао Чэньхуэя, который пытался вывести информацию:

— Уж лучше я потрачу это время на то, чтобы настроиться и подготовиться к съемкам.

— Мо Фэйбай...

Такого холодного тона Гао Чэньхуэй еще не слышал, и внутри у него всё сжалось от тревоги. Ему нестерпимо хотелось заговорить о личном, но, обернувшись, он увидел Янь Июэ и проглотил слова, боясь, что она неправильно поймет его интерес к Мо Фэйбаю.

На втором этаже, за перилами, Цзи Тяньи тяжелым взглядом буравил Гао Чэньхуэя. Воздух вокруг словно заledenел. Он внезапно повернулся к режиссеру Чжану:

— У вас сегодня нет съемок?

— А? О, да, снимаем, конечно!

Режиссер Чжан быстро сообразил, что к чему, и застучал каблуками по лестнице вниз, выкрикивая:

— Все за работу! Начали!

Этот окрик заставил Гао Чэньхуэя, который хотел еще что-то сказать, замолчать. Ему пришлось, сгорая от беспокойства, отправиться к костюмеру.

Спустившись, режиссер инстинктивно оглянулся и поклонился:

— Господин Цзи...

Но позади никого не было — Цзи Тяньи не спустился. Режиссер поднял глаза на второй этаж, но там тоже было пусто. Почесав затылок, он озадачился: ушел? Такая возможность поработать с Тяньюй уплыла прямо из рук? Угадать мысли этого человека невозможно: пришел на площадку, а теперь исчез.

На втором этаже Цзи Тяньи отступил на пару шагов в тень. Прямо перед тем, как режиссер поднял голову, Мо Фэйбай внезапно тоже вскинул взгляд в его сторону.

Внизу Мо Фэйбай едва заметно нахмурился. Показалось? Пока он говорил с Янь Июэ и Гао Чэньхуэем, его не покидало чувство, что за ним наблюдают. Причем это ощущение было очень явным — словно он был добычей в лесу, на которую из темноты смотрела ядовитая змея. От этого по спине пробежал холодок. Но рядом были Янь Июэ и Гао Чэньхуэй, и он не мог проверить свои подозрения. А теперь — никого. Только режиссер Чжан внизу.

Может, это был режиссер? Или просто показалось. Мо Фэйбай выдохнул и, сделав вид, что ничего не случилось, направился в костюмерную.

Цзи Тяньи бесшумно вышел из тени и приложил палец к губам, делая режиссеру жест молчать. Режиссер, хоть и не понимал причин, спорить не стал — лишь кивнул в ответ, обещая не болтать о присутствии Цзи Тяньи.

— Да что такое, почему не берет?! Этот придурок называет себя лучшим папарацци, а даже не может снять материал, который сам идет в руки!

В гримерке Янь Июэ нахмурилась, безуспешно пытаясь дозвониться до репортера.

— И телефон вне зоны доступа! Эй, ты можешь медленнее махать этой пуховкой?!

Последнюю фразу она выкрикнула, впившись взглядом в визажиста. Та вздрогнула от резкого окрика и пробормотала:

— Я не сильно...

В индустрии все считали Янь Июэ нежной, уверенной в себе и талантливой, но те, кто работал с ней постоянно — визажисты и ассистенты — прекрасно знали, что это лишь тщательно выстроенный образ. Те, кто на нее работал, глотали слезы, о которых никто не верил, а если они пытались пожаловаться, их же и травил.

Янь Июэ раздраженно швырнула телефон на стол:

— Я сказала, ты давишь слишком сильно! Не видишь, у меня и так настроение на нуле? Вычитаю три дня зарплаты!

Она кипела от ярости. Почему Мо Фэйбай вообще смог прийти на площадку? Почему вчера не удалось опозорить его на всю страну? А теперь еще и этот папарацци пропал — просто бесит!

Гнев в глазах Янь Июэ было трудно скрыть, но вскоре она вспомнила о чем-то более важном.

Первая сцена сегодня — это их совместная игра с Мо Фэйбаем.

Впрочем... при этой мысли настроение Янь Июэ немного улучшилось. Она его раздавит! Такая пустышка, как он, только подчеркнет ее талант. У нее полно способов сделать так, чтобы Мо Фэйбай не смог выговорить даже строчки текста!

Янь Июэ улыбнулась своему отражению в зеркале, даже не заметив, что визажист, услышав про вычет зарплаты, едва сдерживает слезы обиды.

Никто не заметил, как в щель задней двери гримерной просунулся объектив маленькой камеры, запечатлевшей, как Янь Июэ измывается над сотрудницей. Папарацци, который изначально пробрался сюда лишь ради того, чтобы вернуть вещь, находящуюся у Мо Фэйбая, услышал каждое слово оскорблений в свой адрес. Разъяренный, он сделал десятки снимков:

— Ах ты дрянь, кого ты назвала придурком?!

<http://bllate.org/book/19935/1962022>